

М. В. ЩЕПКИНА

К вопросу о сгоревшей рукописи „Слова о полку Игореве“

Настоящая работа имеет целью дополнить наши сведения о сгоревшей рукописи Мусина-Пушкина, в которой находился текст „Слова о полку Игореве“. Мы будем исходить из общих палеографических наблюдений над древнерусскими рукописями, применяя эти наблюдения к тем данным, которые можно извлечь из двух дошедших до нас списков поэмы. Самые списки эти можно рассматривать как два разных приема транскрипции подлинного текста. Первая транскрипция сделана до 1796 года и в основном принадлежала самому владельцу рукописи А. И. Мусину-Пушкину, который, „через старания свои и прозбы к знающим достаточно российский язык, доводил чрез несколько лет... перевод до желанной ясности“, как сказано в предисловии к первому изданию „Слова“.¹ Конечно, слова эти должно относить не только к переводу, но и к работе по прочтению самого текста рукописи.

Второй список поэмы представлен первым изданием 1800 года. В основу его положено чтение, принятое Мусиным-Пушкиным, однако самый принцип передачи текста, как мы увидим, в нем иной.

Если Мусиным-Пушкиным руководило желание дать удобопонятный текст, то Малиновский и Бантыш-Каменский стремились возможно точнее передать самый памятник, не пропустить и не исказить чего-либо, имевшегося в древней рукописи.

По первому изданию мы имеем возможность путем простейшего статистического расчета установить приблизительное количество листов, которое занимал в сборнике Мусина-Пушкина текст поэмы. А Екатерининская копия не только подтверждает и уточняет результаты этого расчета, но позволяет установить и построчное деление текста „Слова о полку Игореве“.

Показания современников, очевидцев, а также палеографические наблюдения позднейших русских ученых знакомят нас с характером почерка в погибшем оригинале поэмы. А особенности орфографии дошедших до нас списков дают нам указание на правописание текста.

Установить, хотя бы приблизительно, внешний вид памятника, его размеры, почерк и правописание необходимо потому, что это дает обоснование целому ряду предположений относительно неясных мест текста.

¹ Слово о полку Игореве. СПб., 1800, Предисловие, стр. VII—VIII.

Итак, обратимся к самому памятнику.

Первое издание хорошо известно и уже не раз переиздавалось факсимиле.¹ Оно состоит из предисловия „Историческое содержание песни“, принадлежащего А. Ф. Малиновскому (стр. 3—8), и текста самой поэмы с переводом и примечаниями (лл. 1—46). Текст и перевод идут параллельно двумя колоннами. Примечания даны внизу под чертой во всю ширину страницы. На одних страницах они совсем отсутствуют (стр. 13 и 39), и тогда столбцы текста и перевода содержат по 25 строк каждый. На других страницах размер текста и перевода изменяется в зависимости от количества и размера примечаний. Так, на стр. 2 эти два столбца имеют всего по 3 строки, на стр. 14—по 6 строк. Текст поэмы в первом издании содержит 787 кратких строк; если считать в среднем по 20 знаков в строке, то всего получаем 15 740 знаков. Разумеется, это приблизительный расчет, так как он исходит из среднего числа знаков в строке. Надо также принять во внимание, что в оригинале знаков было несколько меньше в результате подтитловых сокращений и выносов. Спрашивается, какого размера была листовая страница рукописи Мусина-Пушкина и сколько листов занимала в ней поэма.

В бумажных рукописях XV—XVI веков, писанных полууставом, страница листового формата бывает различной величины: она может содержать от 600 до 1200 знаков, в зависимости от величины бумажного листа и характера почерка. Говоря о листовом размере, мы имеем в виду так называемый „дестный“ лист, т. е. перегнутый пополам лист бумаги. Следовательно, мы не будем касаться рукописей, которые писаны в раскрытый лист, вроде Макарьевских Четых-миной или Лицевого свода Грозного, так как их размеры исключительны. Мы не будем также приводить рукописи, писанные в два столбца, так как, судя по всему, что известно о рукописи „Слова о полку Игореве“, можно предполагать, что она имела сплошную страницу.²

Приведем несколько примеров из листовых бумажных рукописей, писанных полууставом XV и начала XVI века, из собрания Гос. Исторического музея. Подсчет и здесь мы будем вести по среднему числу знаков в строке.

Муз. 4048, в лист, Псалтырь, первой половины XVI в., 202 л., русский наклонный округлый полуустав с югославянскими особенностями правописания и графики; содержит 25 строк на странице, от 24 до 30 знаков в строке, т. е. от 600 до 750 знаков на странице.³

Уваров. № 86, в лист, Октоих, 1539 г., 298 л., писан в Новгороде русским полууставом; содержит 26 строк на странице, от 29 до 35 знаков в строке, т. е. от 754 до 910 знаков на странице.

Синод. слав. № 280, в лист, Еллинский летописец и IV Новгородская летопись, 729 л., конец XV—начало XVI в., некрасивый русский полуустав; содержит 31 строку на странице, от 30 до 35 знаков в строке, т. е. от 930 до 1085 знаков на странице.

¹ Факсимильное воспроизведение первого издания см. в следующих книгах: Первое издание „Слова о полку Игореве“. Изд. А. С. Суворина, СПб., 1904; Слово о полку Игореве. Изд. М. и С. Сабашниковых под ред. акад. М. Н. Сперанского, М., 1921; Слово о полку Игореве. Серия „Литературные памятники“, Изд. АН СССР, М.—Л., 1950; Слово о полку Игореве. Библиотека поэта, Большая серия, М.—Л., 1953 (в уменьшенном виде).

² Впрочем, опыт показывает, что количество знаков скорее зависит от величины букв, чем от размещения в один или два столбца на странице.

³ Рукопись принадлежала проф. Н. М. Каринскому.

Епарх. № 729, в лист, Минея-четья, месяц июль, 327 лл., первой половины XVI в., русский полуустав; содержит 30 строк на странице, по 40 знаков в строке, т. е. 1200 знаков на странице (размеры рукописи 33×23 см).

Мы не будем брать ни самый малый формат, ни самый большой, а возьмем средние цифры и предположим, что страница рукописи Мусина-Пушкина имела 800, 900 или 1000 знаков.

Если мы для сгоревшей рукописи Мусина-Пушкина примем страницу в 800 или 850 знаков, то, судя по общему количеству знаков в первом издании, надо считать, что текст поэмы должен был занимать 10 листов, или 20 или 19 страниц, из которых последняя была неполная (15740, деленное на 800, дает $19\frac{27}{40}$; 15740, деленное на 850, дает $18\frac{44}{85}$; если несколько округлить полученные цифры, мы будем иметь в первом случае 19,5, во втором 18,5 страниц).

Если предположить страницу в 900 или в 950 знаков, то текст должен был занимать 18 или 17 страниц, или 9 неполных листов (15740, деленное на 900, дает $17\frac{22}{45}$; 15740, деленное на 950, дает $16\frac{54}{95}$).

И наконец, если принимать страницу в 1000 знаков, то текст должен был занимать 16 страниц, или 8 листов, причем последняя страница была неполная (15740, деленное на 1000, дает 15,74).

Итак, исходя из того, что рукопись Мусина-Пушкина была листового формата, мы можем предположить, что поэма, в зависимости от размера листа и почерка, занимала в сборнике от 8 до 10 неполных листов текста, или, при постраничном подсчете, от 16 до 18 страниц.

Обратимся теперь к Екатерининской копии и посмотрим, может ли этот список что-либо добавить к нашим соображениям. Екатерининская копия находится в собрании бумаг Екатерины II, в фолианте № 7, где на лл. 27—35 помещены текст и примечания, а на лл. 142—150 — содержание поэмы.

Копия эта издана: 1) П. П. Пекарским в 1864 году; 2) П. К. Симиони в книге „Древности“, Труды Археологического общества, т. XIII, вып. 2, М., 1890, с 3 фототипиями; 3) в книге „Слово о полку Игореве“, под ред. В. П. Адриановой-Перетц, Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, лл. 35—49; 4) Водовозовым в книге „Слово о полку Игореве“, Гослитиздат, М., 1954 — факсимиле.

Мы будем пока ссылаться на издание Симиони. Оно больше других дает представление о самой рукописи Екатерининской копии, так как передает ее построчно и постранично: всего 495 строк, или 17 страниц, причем на последней только 5 строк.

Это число — 17 неполных страниц — совпадает с одним из вариантов нашего расчета по первому изданию, именно со вторым вариантом, когда мы предположили, что страница подлинника заключала около 950 знаков, а весь текст поэмы занимал 17 страниц, или 9 неполных листов.

Однако описание Симиони требует уточнения. Он говорит, что на страницу Екатерининской копии приходится 30 строк; но, как показывает разметка страниц в издании Симиони, число строк в странице не одинаково, оно колеблется от 29 до 34. Правда, на развороте двух смежных страниц писец Екатерининской копии стремится дать одинаковое количество строк, но для разных разворотов числа эти различные — то 30, то 29, то 31, то 33:

Лист 27 — 26 строк плюс 3 строки заглавия
 Лист 27 об. — 30 строк
 Лист 28 — 30 "
 Лист 28 об. — 30 "
 Лист 29 — 29 "
 Лист 29 об. — 29 "
 Лист 30 — 29 "
 Лист 30 об. — 31 строка
 Лист 31 — 30 строк

Лист 31 об. — 31 строка
 Лист 32 — 30 строк
 Лист 32 об. — 33 строки
 Лист 33 — 31 строка
 Лист 33 об. — 33 строки
 Лист 34 — 34 "
 Лист 34 об. — 33 "
 Лист 35 — 5 строк

Следовательно, страницы подлинной рукописи переданы в Екатерининской копии не совсем точно. Надо думать, что в оригинале они действительно имели по 30 строк. На это как будто указывают начальные страницы копии, где писец держится в границах 29, 30, 30 и еще раз 30 строк. О том же говорит и простейший арифметический расчет: 495 строк копии, деленные на 29, дают 16 страниц и в остатке 31 строку, т. е. еще одну страницу с лишним; тогда как 495, деленные на 30, дают 16,5, т. е. 17 страниц, из которых последняя неполная. Чем же объяснить неравномерность в числе строк на странице в Екатерининской копии?

Нам известно, что в древнерусских рукописях страницы имеют одинаковое количество строк; это обусловлено прежде всего единообразной разлиновкой.¹ Симони отмечает отсутствие разлиновки в Екатерининской копии, но это обстоятельство вряд ли могло сбить со счета опытного переписчика. Скорее можно подумать, что писец, начав с 29 и 30 строк, решил затем уместить весь текст на 16 страницах и стал к концу давать страницы в 31, 32, 33 и даже 34 строки; однако он все-таки обсчитался и, не уместив весь текст на 16 страницах, должен был на последней, 17-й, странице написать оставшиеся 5 строк. Это, конечно, возможно. Но здесь может быть и другое объяснение: число 495, деленное на 30, дает 16 страниц и еще 15 строк, т. е. полстраницы. Конечно, было бы красивее поместить на последней странице 15 строк текста вместо 5.

Предположим, однако, что писец Екатерининской копии правильно ставит подконец 5 строк на последней странице; предположим, что так действительно кончался текст поэмы в рукописи Мусина-Пушкина. Тогда где же стояли в оригинале те лишние 10 строк, которые писец разместил в копии постепенно, добавляя где по 2, где по 3 и даже по 4 строки. Остается думать, что они стояли в самом начале поэмы, т. е. что в рукописи текст начинался не сверху страницы, а в конце ее; что начало „Слова“ занимало на странице сборника последние 10 строк, сразу же после окончания летописного текста. Тогда мы должны представить себе такое деление текста „Слова“ в рукописи конца XV — начала XVI века: на первой странице — 10 строк,² затем 16 страниц по 30 строк и 17-я страница с 5 строками, т. е. всего 18 страниц, из которых первая и последняя неполные. Количество листов остается прежним — 9. Вполне понятно, что Мусин-Пушкин не хотел начинать текст в конце страницы; так можно поступать только в том случае, когда данному тексту что-либо предшествует, иначе этот прием покажется странным, а для „героической песни“ и недостаточно

¹ Мы не говорим об исключениях — о сборных рукописях, где наблюдаются листы и тетради, различно разлинованные и различных почерков.

² Как мы увидим позднее, здесь надо считать 11, а не 10 строк.

торжественным.¹ Помещать 10 строк в начале или в середине страницы тоже казалось неудобным. Возможно, что по указанию Мусина-Пушкина писец начинает поэму сверху страницы, а набежавшие лишние 10 строк разместил постепенно, прибавляя где 3, а где даже и 4 строки. Это позволило ему закончить поэму на последней странице, как и в оригинале, 5 строками.

Такое предположение вполне объясняет и неравномерность распределения строк на страницах Екатерининской копии и наличие на 17-й странице последних 5 строк, которые легко было уместить на 16 предшествующих страницах, добавив пять раз по одной строке.

По существу, для нас, конечно, неважно, как был распределен текст „Слова о полку Игореве“ на 9 листах сгоревшей рукописи Мусина-Пушкина: были ли это 18 страниц, из которых на первой и на последней стояло всего по несколько строк, или 17 страниц, из которых последняя имела 15 строк. Для нас важно только, что текст в оригинале занимал 9 неполных страниц, при этом надо полагать, что страницы действительно содержали по 30 строк.

Итак, в большом листовом сборнике конца XV — начала XVI века текст поэмы занимал только 9 листов, или 18 страниц. Но для нас не так важна постраничная передача текста, как построчная. А она, повидимому, в Екатерининской копии сохранена, хотя и требует в одном месте некоторого уточнения. Всего в Екатерининской копии 495 строк. Однако, как известно, в ней пропущены, как непонятные, слова „свистъ зверинь въста зби“ — всего 21 знак.² Надо отметить, что строки Екатерининской копии неравномерны: в начале поэмы они короче, в конце длиннее; в первой половине списка они содержат от 22 до 29 знаков, во второй — от 27 до 37 знаков. Это объясняется, может быть, тем, что в начале каждой статьи древние писцы переписывают тщательнее и почерк и орфография больше следуют оригиналу, причем письмо может быть крупнее. Освоившись с начертаниями и правописанием, писец пишет уже быстрее, переходит к привычным для него приемам, и почерк становится более беглым и убористым.

Пропуск в Екатерининской копии относится, как уже сказано, к первой части списка; здесь строчки короче — от 22 до 29 знаков в каждой. Как же представить себе распределение текста по строкам в данном месте подлинной рукописи „Слова“?

В Екатерининской копии мы имеем следующее деление:

1. Ночь стонуши ему грозою, птичь
2. убуди [пропуск] дивь кличь врьху древа.

Как распределить эти строки, если вставить пропущенные слова „свистъ зверинь въста, зби“ (21 знак). Если они являются в строке продолжением слова „убуди“ (5 знаков), то слова „дивь кличь врьху древа“ (21 знак) следует считать особой третьей строкой. Тогда мы будем иметь строки следующего размера:

¹ В современном научном издании, которое сопровождается примечаниями и разночтениями, легко начать текст 10 строками на странице, но в Екатерининской копии примечания, как известно, стояли отдельно.

² Лист 28, 3-й по счету в Екатерининской копии. В загадочном слове „зби“ следует видеть, как мы покажем позднее, приписку на поле, отмечающую важность данного места: „зри“. Один из позднейших переписчиков включил ошибочно это слово в самый текст.

1. Строка в 22 знака: Ночь стонуши ему грозою птицъ
2. Строка в 26 знаков: убуди. Свистъ зверинь вѣста, зби.¹
3. Строка в 21 знак: Дивъ кличь врѣху древа.

Но слово „зби“ могло стоять в рукописи Мусина-Пушкина как в конце второй строки, так и в начале третьей. В последнем случае знаки распределялись в оригинале построчно таким образом:

1. Строка в 22 знака: Ночь стонуши ему грозою, птицъ
2. Строка в 23 знака: убуди. Свистъ зверинь вѣста,
3. Строка в 24 знака: зби. Дивъ кличь врѣху древа.

И та и другая схема одинаково возможны в этой части поэмы, так как дают сравнительно равномерное распределение знаков по строкам. Однако, повидимому, будет правильнее принимать первый вариант, так как он яснее показывает, как слово „зри“, написанное первоначально на поле, механически было включено одним из переписчиков в самый текст. Мы видим, что после вставки пропущенных слов текст Екатерининской копии увеличился на одну строку; следовательно, мы должны, повидимому, считать в оригинале „Слова о полку Игореве“ не 495 строк, как показывает Екатерининский список, а 496. Поэтому и предполагаемую начальную страницу текста надо полагать не в 10, а в 11 строк.

Для характеристики Екатерининской копии важно знать, с чего списывал писец² — с самого оригинала конца XV—начала XVI века, т. е. непосредственно с Мусин-Пушкинского сборника, или уже со списка, изготовленного под наблюдением и по указаниям А. И. Мусина-Пушкина. Всего вероятнее последнее, ибо если бы даже самый опытный писец XVIII века стал копировать рукопись XV—XVI века с таким необычным текстом, то, с одной стороны, он дал бы больше неверных чтений и неправильных делений на слова, а с другой стороны, опытный писец проще и правильнее раскрыл бы ряд сокращений и учел бы ряд выносных знаков, пропущенных Мусиным-Пушкиным.³

Однако, допустив, что писец списывал не прямо с подлинника, надо предположить, что и собственный список Мусина-Пушкина был сделан если не вполне лист в лист, то несомненно строка в строку с подлинной рукописью XV—XVI века и что он имел также 495 строк, с пропуском указанного неясного места „зби“, восстановленного затем в первом издании Малиновским. Возможно, что писцу Екатерининской копии было указано или дано в образец постраничное деление „Слова о полку Игореве“, но от него не требовалось точного соблюдения этих границ при списывании, поэтому они и сохранены лишь в основном. Что же касается построчного распределения текста, то тут, очевидно, Мусин-Пушкин определенно указал на необходимость точно следовать данному им оригиналу. В письме Екатерининской копии есть одна особенность, которая подтверждает это предположение. Как уже сказано, Екатерининская копия включает кроме текста и перевода еще так называемое „содержание“ поэмы, писанное тем же почерком, и затем „примечания“ более мелкого, убористого письма. Но и в содержании и в примечаниях соблюдается раз принятый размер букв и даются одинаковые между ними интервалы. Между тем, в письме са-

¹ Как уже указано, слово „зби“, повидимому, означает „зри“. Предположение это, высказанное впервые Н. С. Тихонравовым, принимали позднее В. Н. Щепкин и А. С. Орлов.

² Считают, что копия писана рукой постоянного писца бумаг Екатерины II (см. издание П. П. Симони: „Древности“, Труды Археолог. общ., т. XIII, вып. 2, М., 1890).

³ Ср., например, у Мусина-Пушкина: „пѣснѣ“ вместо „пѣснь“, „бы“ вместо „бысть“ и т. п.

мого текста поэмы ритмичность эта нарушается. К концу строк буквы делаются мельче, а письмо местами становится сжатым. Повидимому, писец старается уместить в строке определенное количество текста, причем по концам строк имеются иногда выносные буквы, чего мы не встречаем ни в начале, ни в середине строк.¹ Иногда писец сжимает только одно последнее слово, но если строка содержит мало знаков, то бывают случаи, когда он, наоборот, растягивает это последнее слово. По всей вероятности, писец был связан размерами строки своего оригинала и должен был уместить ее при списывании в свою строку, чем и можно объяснить неравномерность его письма.²

Мы имеем еще одно указание на то, что Екатерининская копия дает построчную копию оригинала „Слова о полку Игореве“, — это можно выяснить, если проследить, как кончаются в ней строчки. Как известно, в древнерусских и славянских рукописях строки должны оканчиваться на гласную или полугласную. Ни строка, ни перенос не должны заканчиваться согласной; когда это случается, то согласная должна выноситься над строкой.³

В Екатерининской копии строки в основном оканчиваются, как и полагается, на гласную или полугласную. Конечно, надо принять во внимание, что согласно правописанию конца XVIII века в ней проставлены всюду конечные „ъ“ и „ь“. Однако с переносами в Екатерининской копии дело обстоит иначе: мы имеем 18 случаев переносов, кончающихся на согласную, вопреки древнему правописанию. Соответствуют ли случаи такого написания подлиннику „Слова о полку Игореве“? Надо полагать, что нет. Некоторые указания в этом отношении дают нам разнотечения первого издания и Екатерининской копии. Приводим сравнительную таблицу переносов в транскрипции Мусина-Пушкина по Екатерининскому списку и соответствующих им мест в транскрипции Малиновского по первому изданию.

Екатерининская копия

Стр. 35: поч|немъ
Стр. 38: полов|чине
Стр. 43: полов|ци
Стр. 38: оръ|тмами
Стр. 38: вол|комъ
Стр. 39: меж|дю
Стр. 41: рус|кыми
Стр. 46: рус|кихъ
Стр. 41: ис|суши
Стр. 44: из|далеча
Стр. 45: рас|хытисте
Стр. 47: разв|ья
Стр. 45: жем|чужну
Стр. 46: дот|чеся
Стр. 44: зем|лями
Стр. 45: ин|гварь
Стр. 45: помянув|ше
Стр. 48: кон|чакови
Стр. 49: пол|ки

Первое издание

Стр. 5: почнемъ
Стр. 11: половчине
Стр. 25: половици
Стр. 11: орътъмами
Стр. 11: в ѡкомъ
Стр. 16: между
Стр. 20: рускими
Стр. 36: рускихъ
Стр. 21: иссуши
Стр. 28: издалеча
Стр. 33: расхытисте
Стр. 39: развья
Стр. 34: жемчужну
Стр. 35: дотчеся
Стр. 30: землями
Стр. 32: ингварь
Стр. 37: помянувшє
Стр. 44: кончакови
Стр. 46: плъки

¹ Между тем в подлинной рукописи „Слова“, как это и обычно для полууставного письма XV—XVI веков, должны были иметься выносы не только по концам строк, но и повсеместно.

² См. факсимильное издание Екатерининской копии: Слово о полку Игореве. Под ред. проф. Водовозова. Гослитиздат, М., 1954.

³ Правило это указано еще В. Н. Щелкиным в работе „Рассуждение о языке Саввиной книги“ (М., 1898). То же отмечает для XVII века П. Я. Черных в книге „Язык Уложения 1649 года“ (М., 1953).

У Малиновского этих переносов не имеется, так как данные слова приходится не под конец строки. Но четыре из этих слов (выделены курсивом) привлекают наше внимание в первом издании своим особым правописанием — они имеют на месте переноса полугласную „ъ“, что вполне соответствует приемам письма древнерусских рукописей: часть слова, обрывавшаяся при переносе на согласную, получала в этом месте или вынос конечной согласной или полугласную: „орѣтъмами“, „влькомъ“, „инѣгварь“, „плѣки».¹

Мусин-Пушкин очень считается с полугласными, когда они стоят в строке, особенно с буквой „ъ“: они могли для него означать конец слова и определяли деление на слова и фразы. Но в конце строки, притом в словах, которые были ему ясны, он оставляет только „ъ“ — оно для него означает мягкость согласной; а „ѣ“, стоящий между согласными, он считает возможным отбросить как излишний знак. Поэтому мы находим у него такие написания при переносе:

Екатерининская копия

Стр. 35: косожь|скими
Стр. 37: тѣ|муроканѣ|скими
Стр. 39: оварь|ския
Стр. 43: василь|ковѣ

Первое издание

Стр. 1: касожьскими
Стр. 9: тѣмуроканьскими
Стр. 13: оварьския
Стр. 33: васильковѣ

Понятные ему слова „плѣки“, „вльки“ Мусин-Пушкин всегда передает в позднейшей русской форме: „полки“, „волки“. Так же поступает он и здесь с этими словами, встреченными с полугласной „ъ“ в переносе с одной строки на другую. Слово „инѣгварь“ было ему известно из русских летописей, и он считал себя вправе выбросить излишний, по его мнению, знак „ъ“ между двумя согласными. Так же поступает он со словом „орѣтъмами“, где вторая полугласная, придившаяся на переносе между двумя согласными, была сочтена излишней. Малиновский передает эти четыре случая переноса с полугласной, и его бережное отношение к орфографии памятника позволяет нам уследить конец строки оригинала. Но если в словах „инѣгварь“, „орѣтъмами“, „влькомъ“, „плѣки“ при переносе стоял „ъ“, то в остальных случаях переноса мы вправе ожидать в подлинной рукописи „Слова“ выноса согласной, на которой обрывалась строка: по[ч]немь, поло[в]чине, ме[ж]дю, ру[с]кихъ и т. д. Однако выносов этих в Екатерининской копии не имеется; следовательно, надо полагать, что писец, соблюдая по указанию Мусина-Пушкина размер строк подлинной рукописи, не передает ни полугласных, ни выносных согласных в случаях переноса. Но если писец не соблюдает выносы, которые заведомо должны были стоять в оригинале (в рукописи), то вряд ли можно доверять другим его выносам в конце слов. Очевидно, они вызваны только желанием сократить строку, а не стремлением передать подлинник. Повидимому, сам Мусин-Пушкин не придавал им значения и, возможно, не обозначил в своем списке, с которого копировал писец; поэтому, может быть, местами выносы Екатерининской копии и соответствуют подлинной рукописи, но установить этого мы не можем. Только относительно слова „уримъ“ можно предполагать, что в нем действительно имелся вынос конечной согласной „м“. Именно благодаря этому выносу данное слово было неправильно понято как имя собственное мужского рода (одного из

¹ Согласно новому правописанию XV века, в предлогах, а также в середине слова пишется „ѣ“, а не „ъ“. См. об этом: В. Н. Щепкин. Учебник палеографии. М., 1920, стр. 117.

воевод), тогда как здесь подразумевается название города „Рим“ или „Римов“ с предлогом „у“ вместо „въ“. Слово это следовало истолковать как „у Риме“ или „у Римове“. Итак, хотя мы и не можем положить на выносы самой Екатерининской копии, однако переданные в ней переносы слов дают нам возможность уследить 16 выносных согласных по концам строк, а в том, что это были действительные переносы подлинной рукописи, убеждают нас характерные разночтения первого издания.

Таким образом, если первое издание поэмы дает более исправный текст „Слова о полку Игореве“, то Екатерининская копия дает нам полное представление о размерах самого текста по рукописи Мусина-Пушкина: она представляет собой построчную копию с довольно точным делением на страницы. Сгоревшая рукопись „Слова о полку Игореве“ имела, по видимому, по 30 строк на странице, причем в первой части текста страницы содержали около 750 знаков, а во второй части, где строки были длиннее, около 950 знаков, т. е. сборник Мусина-Пушкина по размерам листа был близок к Уваровской рукописи, № 86, в лист, 1539 года (от 800 до 900 знаков на странице), а по объему сборник этот был не меньше рукописи Синодального собрания, № 280, которая заключает в себе Еллинский летописец и IV Новгородскую летопись — свыше 700 листов. В состав рукописи Мусина-Пушкина входили хронограф, летопись и ряд повестей. „Слово о полку Игореве“ занимало в нем 9 неполных листов, или 18 страниц, всего 496 строк. Возникает вопрос, почему Мусин-Пушкин счел необходимым дать для Екатерины II построчную копию „Слова о полку Игореве“? По видимому, он полагал, что со временем можно будет установить какой-нибудь стихотворный размер в данном тексте. Такая мысль могла появиться уже потому, что сам памятник называл себя „песнью“.
